

УДК 159.92

БИОСОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ: ОБ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ЧЕЛОВЕКА¹

© 2019 г. И. А. Мироненко^{1,*}, А. Л. Журавлев^{2,**}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет;
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9, Россия.

² ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Россия.

* Доктор психологических наук, профессор.

E-mail: mironenko.irina1@gmail.com

** Академик РАН, научный руководитель ИП РАН.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Поступила 12.06.2019

Аннотация. В психологической науке с начала ее становления имеет место противостояние двух подходов к биосоциальной проблеме: а) размывающего границы биологии и культуры, где культура понимается как надстройка, придающая специфику проявлениям биологического основания; б) рассматривающего культуру как фактор, отменяющий биологическую детерминацию поведения. Первый подход сложился в западной психологической традиции в эпоху социальных революций. Лидером второго подхода была марксистская, прежде всего советская, психология. В эпоху глобализации первая традиция продолжается поиском “универсальной” психологии, основываясь на положении об определяющем значении биологического, видового фактора в человеческой психике. Это направление сохраняет доминирующее положение в мировой науке, и его ценность не вызывает сомнений. Однако абсолютизация данного подхода чревата риском утраты стимула к развитию в науках о человеке. Всю историю человеческой культуры пронизывает вера в то, что человек — не только животное. Утрата этой веры чревата опасностью вырождения науки в опасную идеологию. Вторая традиция в постановке биосоциальной проблемы была существенно ослаблена в постсоветский период, так как в российской психологии сократились соответствующие теоретико-методологические разработки. Это направление представлено в современной мировой науке школами, опирающимися на российские разработки советского периода. Вызывает сожаление тот факт, что российская психология недостаточно включается в современный дискурс о биологическом и социальном в человеке. Вопрос о возможности универсальной психологии, обсуждаемый российскими коллегами, недостаточно соотносится здесь как с проблемой биологического и социального, так и с логикой культурно-исторической теории и субъектного подхода.

Ключевые слова: биосоциальная проблема, глобализация, культурные различия, универсальная психология, культурно-историческая теория, кросскультурная психология, культурная психология, критическая психология, индигенные теории.

DOI: 10.31857/S020595920007321-9

Сущность человека не исчерпывается его геномом. Он причастен культуре, иначе собственно человеком не является. Поэтому у человека уже «...нет “природы” — простого или однородного бытия. Он причудливая смесь бытия и небытия; его

место — между этими двумя полюсами» [8, с. 20]. Психология как наука о человеческой душе [12] своим предметом поставлена перед вызовом биосоциальной проблемы, и любая психологическая концепция предполагает здесь определенную точку зрения, открыто формулируемую или имплицитно присутствующую.

В первое столетие существования академической психологии, с момента становления психологии как самостоятельной науки до последних десятилетий

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-06-50086-ОГН “Академическая интеграция в контексте становления глобальной психологии: вызовы и перспективы”.

XX в., *биосоциальная проблема* рассматривалась как проблема соотношения в формировании человеческой индивидуальности врожденного и приобретаемого в процессе воспитания, *Nature & Nurture*. В контексте социальных конфликтов первых десятилетий этого периода и последующего противостояния в мире двух политических систем вопрос о соотношении *Nature & Nurture* стал одним из самых идеологически заряженных. Научные теории и факты непосредственно соотносились с уровнем социальной мобильности, существующим в обществе [14].

Эпоха глобализации высвечивает новые актуальные аспекты биосоциальной проблемы. В мире, где происходит динамическое взаимодействие культур, на фоне возрастающей очевидности масштаба и глубины их качественных различий биосоциальная проблема предстает как проблема соотношения общего природного (универсального для вида *Homo Sapiens*) и культурно-специфического в человеке.

ДВЕ ТРАДИЦИИ ПОСТАНОВКИ БИОСОЦИАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ

В XX в. в психологии сложились две принципиально различные традиции постановки биосоциальной проблемы [14]. В западной психологической науке доминировали представление об определяющем значении биологического начала в человеке, тенденция к размыванию границ между социальным и биологическим в человеке. Культура при этом рассматривалась как надстройка над биологией, а единство биологического и социального в человеческой психике — как непротиворечивое. Как неоднократно было отмечено в литературе, западная психологическая наука развивалась на базе исследований человека, принадлежащего к западной культуре XX в. Его психологическим характеристикам присваивался статус универсальных, общечеловеческих. Более того, психологические характеристики *WASP*² рассматривались как эталонные, отклонения от которых трактовались как ущербность, низшая ступень в развитии. Так, известный американский историк психологии Вейд Пикрен пишет, что со шкалами Бине началась эра “...психометрического расизма в психологии, сопровождавшаяся разработкой множества новых интеллектуальных тестов с целью доказать превосходство белых над черными, а также превосходство белых североевропейцев и англосаксов над белыми другой этнической принадлежности” [35,

² *White Anglo-Saxon Protestant* — белый, англосакс, протестант.

с. 427]. Этот подход мы будем условно называть здесь “традиция *WASP*”.

В силу особенностей российской научной традиции и идеологического запроса советского государства в марксистской психологии сложился принципиально иной подход к биосоциальной проблеме: понимание социализации как запрета природного и естественного поведения; культуры как силы, выводящей человека за пределы власти законов природы [14]. В работах советских методологов подчеркивалось, что единство биологического и социального в человеке имеет в своей основе противоречия, которые порождают диалектическое развитие как культуры, так и биологии человека.

Интересно отметить принципиально различную трактовку эволюционной теории Ч. Дарвина российскими и западными учеными. В свете понимания изменяющейся цивилизационной среды человека как важнейшего средового фактора естественным для российских ученых был вывод о продолжающейся биологической эволюции человека. О том, что биологическая эволюция человека продолжается и, более того, ускоряется с ускорением научно-технического прогресса, прямо говорил Б.Г. Ананьев, называя, в частности, появление новых орудий труда и познания в качестве важнейшего фактора этой эволюции [1].

Эволюционная психология в современном западном мейнстриме строится на предположении о том, что основные механизмы психики человека сложились в далеком прошлом, когда происходил процесс образования вида современного человека, и закреплены генетически, оставаясь адекватными той среде, в которой обитал человек на заре своего существования и в процессе приспособления к которой он формировался — так называемой среды эволюционной адаптации (СЭА). Биологическая эволюция человека остановилась.

БИОСОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

С развитием глобализации в мире происходят радикальные изменения. Люди активно перемещаются из страны в страну, социальные институты и процессы становятся транснациональными. Наука тоже закономерно изменяется, что предполагает как формирование новых объектов и предметов исследований, так и изменение совокупного субъекта исследовательской деятельности — научного общества [6; 9]. Как показал анализ публикаций

на ведущих публикационных площадках с 1980 до 2010 г. [19], набирает силу процесс интернализации популяции авторов. Тенденция к доминированию американских авторов снижается. В такой области, как психология личности, доля североамериканцев за рассматриваемый период сократилась с 82.48 до 57.96%. Становится очевидной необходимость расширить имплицитно заложенные в мейнстриме рамки *WASP*, в которые уже не вмещается ни предмет, ни объект, ни субъект глобальной психологии. Культурная изменчивость уже не может быть оставлена без внимания.

Как пишет Вейд Пикрен в своей уже цитированной выше статье, "...сегодня возникает потенциал для развития новой психологии, в основе которой — множественность культурных и этнических оснований. Психологии, включающей в себя евроцентрическую традицию, но не ограничивающейся ею. Психология, которая будет развиваться на основе интеллектуальных и культурных ресурсов множества стран, будет обладать теорией, методологией и практикой, значительно превышающими по своим возможностям отдельно взятые евроцентрическую или американскую традиции" [35, с. 431].

Глобальная психологическая наука, формирование которой с неизбежностью происходит в процессе общей мировой глобализации, формируется как *сеть* различных по своим теоретико-методологическим основаниям, но активно взаимодействующих центров, что открывает новые возможности для совместного научного творчества [6; 7; 11]. В контексте становления глобальной многополюсной психологической науки биосоциальная проблема не утратила актуальность, но приобрела новое звучание. Сегодня основной обсуждаемый ее аспект — проблема культурных различий, взаимосвязи биологии и культуры, а центральными дискуссионными вопросами являются возможность построения универсальной психологии и поиск универсальных общечеловеческих характеристик.

ПРОБЛЕМА КУЛЬТУРНЫХ РАЗЛИЧИЙ: АБСОЛЮТИЗМ, УНИВЕРСАЛИЗМ, РЕЛЯТИВИЗМ

Дискурс культуры в мировой психологии стремительно расширяется. Поиск на портале журнала *Annual review of psychology* показывает, что впервые тема культуры стала здесь предметом обзорной статьи в 1973 г. За последующие четверть века, до 1998 г., было опубликовано 11 обзорных статей. В первом десятилетии XXI в. выходит 8 обзорных

статей, во втором, еще не оконченном, — уже 10. В 1970 г. основан журнал *Journal of cross-cultural psychology*, полностью посвященный этой теме. Журнал уверенно входит в первый квартиль в системе *SJR* с *H*-фактором 94, и он не единственный полностью посвящен этой проблеме. Проблема культурных различий между людьми, методы их изучения и теоретико-методологические подходы обсуждены в огромном количестве исследований, и их число непрерывно растет. Среди немногих переведенных на русский язык можно назвать такие энциклопедические издания, как книги под редакцией Д. Мацумото [13], Дж. Берри с соавторами [2].

Для классификации существующих подходов к проблеме культурных различий Берри [2] предлагает разделить их на три общих направления: абсолютизм, релятивизм и универсализм. Абсолютизм предполагает, что психологические феномены в своей основе одинаковы во всех культурах. С точки зрения абсолютизма культура не играет существенной роли в проявлении человеческих характеристик.

Релятивизм — полная противоположность этому. Релятивисты предполагают, что все человеческое поведение основывается на определенных культурных паттернах, и стараются понять людей, рассматривая их в контексте культуры. Объяснения и оценки поведения производятся с использованием ценностей и значений, типичных для данной культурной группы.

Третье направление, универсализм, Берри определяет как нечто среднее между первыми двумя подходами. Предполагается, что основные психологические явления характерны для всех представителей вида, именно они составляют ряд основных психологических характеристик, общих для всех людей, а культура по-разному влияет на развитие и проявление этих фундаментальных психологических феноменов. Придерживаясь именно этого подхода, Берри разъясняет свое понимание его отличий от абсолютизма: "Во-первых, универсализм стремится понять роль культуры в стимулировании разнообразия поведения и не отрицает культуру, а скорее принимает ее как источник человеческого разнообразия. Во-вторых, исходя из предположения, что основные феномены должны быть общими для всех людей, этот подход позволяет открывать не только общее в поведении (универсалии), но также и специфическое (культурные особенности) для разных групп людей" [2].

Однако представляется, что предложенная классификация не отражает истинного состояния вопроса о подходах к проблеме культурных различий в современной психологии. Абсолютизм в такой

трактовке заканчивается там, где начинаются исследования культуры в психологии. Здесь он используется лишь в качестве фона, чтобы оттенить внимание к факторам культуры “универсалистов”.

На самом деле в подходе к культурным различиям имеет место продолжение на новом уровне противостояния двух подходов, которые сложились ранее и которые мы описали выше для периода, когда биосоциальная проблема в психологии ставилась как проблема *Nature&Nurture*. В русле первого подхода декларируется решающая значимость фактора биологии. В русле второго подхода подчеркивается определяющее значение культурной среды для формирования личности.

Глобализация, высветившая по-новому глубину и масштаб влияния культуры на человека, обнажила новый слой в постановке биосоциальной проблемы. С микроконтекста индивидов фокус анализа переместился на макроконтекст сообществ. Существует ли единый универсальный стандарт и эталон человека, применимый к различным культурам? На протяжении предыдущего периода таким эталоном для западной традиции был *WASP*. Динамические изменения в социуме на рубеже XX–XXI столетий делают невозможным его открытое удержание как ориентира. Доминирование психологических исследований на популяциях *WEIRD*³ тоже вызывает нарекания [27; 29]. Сбудется ли надежда вернуться к идее эталона на новом уровне обобщения, вынеся за скобки то, что является культурно-специфическим? Эта надежда движет универсалистами: «Рабочей гипотезой данного учебника является допущение о возможности открытия “универсальных законов” человеческого поведения» [2].

Универсалистскую позицию разделяет и Д. Мацумото: “...цель состоит в создании подлинно универсальных моделей психологических процессов и поведения человека, которые были бы применимы ко всем людям, независимо от происхождения <...> главная задача кросскультурной психологии — оценка панкультурной применимости психологических теорий” [13]. При таком подходе биологии отводится роль *hardware* (“железа”) в обеспечении поведения человека, а культуре — роль *software*, программного обеспечения. “Культура для поведения человека — то же самое, что операционная система для программного обеспечения; оставаясь незаметной, она играет важнейшую роль

в его развитии и функционировании”, — пишет Мацумото [13].

Если учесть то, что универсалистская позиция является прямым продолжением традиции *WASP*, и то, что, несмотря на тенденции к интернализации психологической науки, североамериканская и западноевропейская психология по-прежнему в мейнстриме доминируют, не приходится удивляться ее весомому представительству в дискурсе. Собраны горы фактического материала по кросскультурным различиям (см. фундаментальный обзор [26]). В качестве полярных по своим различиям рассматриваются два типа культур: коллективистские (исследуются преимущественно на примере Юго-Восточной Азии) и индивидуалистические (на примере Северной Америки и Западной Европы). Для сравнительного исследования используются преимущественно Большая пятерка и тест Айзенка (*EPQ*). Результаты абсолютного большинства исследований можно резюмировать небольшим числом общих выводов:

— в коллективистских культурах тенденция оценивать себя выше других (*self-enhancement*) менее выражена, чем в индивидуалистических;

— в коллективистских культурах личность (Я-концепция, *self*) в большей степени основывается на социально-ролевых качествах, проявляемых относительно общности, и оценивается относительно общности, зависит от ситуации (*interdependent personality, view of self*), а в индивидуалистических — на качествах, присущих самому индивиду независимо от социального контекста и ситуации (*independent personality, view of self*). Соответственно, говорят о сущностных концепциях личности, Я-концепции, *self* и т.д. в индивидуалистических культурах (*entity theories of self*), противопоставляемых контекстным концепциям (*incremental theories*) в коллективистских.

Будучи серьезными учеными, сторонники универсалистского подхода понимают и открыто признают то, что их методы исследований и интерпретации результатов оставляют почву для больших сомнений. И лингвистический перевод, и адекватность адаптации методики к выборке, и применимость метода самооценки качеств, на котором строятся все опросники, делают методы исследования тем менее валидными и надежными, чем больше отличия исследуемых общностей от *WEIRD*, на которых методики разрабатывались. И тем больше искажающее влияние на интерпретации результатов собственных установок и стереотипов авторов работ. Чтобы повысить объективность исследований, честно предпринимаются существенные усилия, направленные на усовершенствование методологии

³ Этот акроним описывает общности Западных, Образованных, Индустриальных, Богатых и Демократических (*Western, Educated, Industrialized, Rich, and Democratic*).

и методов, которые представлены во всем потоке работ этого направления (см., например, [2; 13]), однако трудно надеяться, что идеал объективности, к которому исследователи стремятся, может быть достигнут. Обширный и содержательный обзор по проблеме универсальных и культурно-специфических характеристик личности авторы заканчивают словами: “Тот факт, что так мало исследований личности проводилось на представителях незападных культур <...> означает, что в наших представлениях о человеческой личности все еще есть огромные пробелы” [26, с. 387].

Высказывания: “Общая структура личностных черт... ожидаемо проявляется в разных культурах, с некоторыми ключевыми вариациями” [26, с. 369]; “...исследования позволят определить, что является общечеловеческими универсалиями... и что является культурно-переменным” [26, с. 387] — выражают искренние убеждения авторов, но не являются констатацией научных фактов.

К АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЕ

К новейшим продвижениям универсалистского направления можно отнести представление о так называемом общем факторе личности (*GFP* — *General Factor of Personality*). Большая пятерка — едва ли не самая популярная модель личности в современных психометрических исследованиях. Принято считать, что эта модель отражает универсальную структуру личности, применимую для всех людей, несмотря на существенные различия в культуре. Пятифакторная модель предполагает, что измерения Большой пятерки представляют собой личностные характеристики самого высокого уровня обобщения и что эти факторы независимы друг от друга. Однако с ростом накопленного материала появились сомнения в отношении независимости факторов. К настоящему времени можно считать доказанным, что Большая пятерка не является статистически независимой, между факторами прослеживаются постоянные и определенные взаимосвязи [23; 37]. Корреляции между факторами Большой пятерки порождают существенную долю общей дисперсии, которая и получила название Общего фактора личности (*GFP*). *GFP* был описан как личностный фактор более высокого порядка, чем факторы Большой пятерки, охватывающий большинство социально желательных полюсов черт личности [23; 37]. В пятифакторной модели лица с высокими оценками по *GFP* описываются как обладающие относительно высоким интеллектом (открытостью новому опыту), усердные,

социабельные, дружелюбные и эмоционально стабильные. Как показали дальнейшие исследования, *GFP* обнаруживается не только в Большой пятерке, но и практически в каждой факторной модели личности.

Высказано предположение о том, что оценка по *GFP* может рассматриваться как оценка личности в целом, в континууме “плохой—хороший”. Предлагается также использовать термин “социальная полезность”. В концептуализации *GFP* ясно прослеживается заложенная в универсалистском подходе унаследованная от традиции *WASP* линия: от идеи измерения к идее стандарта, эталона, за которой виден тот “психометрический расизм”, о котором пишет Вейд Пикрен [35]. Ведь если люди в основе своей одинаковы, значит, все различия (а различия есть) между культурами можно отнести к шкале “плохой—хороший”, “правый—неправый”, “полезный—бесполезный”. И тогда какие аргументы, кроме силовых, остаются у тех, кто объявлен недостаточно хорошим?

Интересен еще один аспект в развитии универсализма: попытка психометрически определить то, какие качества делают человека человеком. В ряде работ представлены результаты исследования обыденных представлений о “человековости” (*humanness*) методом свободных ответов в разных странах (Австралия, Италия, Китай [21]; Австралия, Япония, Корея [34]). В этом же направлении идут работы о “расчеловечивании”: феномен, тесно связанный с расизмом, насилием и другими отрицательными социальными проявлениями, когда определенные категории людей в сознании субъекта расчеловечиваются, т.е. для него имплицитно людьми уже не являются [24].

В русле универсалистского подхода задача определения феномена человека ставится в соответствии с двумерной моделью *N. Haslam* [24] в контексте сугубо материальных объектов, например поиск критериев отличия человека от других животных и машин. Отличия человека от машин относятся к фактору “человеческой природы” (*human nature, HN*), например, люди обладают эмоциями и чувствами, они живые. Отличия от других животных — к фактору “человеческой уникальности” (*human uniqueness, HU*), например наличие сознания, нравственности и т.п. В рамке, определенной этими двумя факторами, определяется сущность человека — “человековость” (*humanness*). Свободные ответы респондентов на вопрос о том, какими свойствами обладают люди, интерпретируются исследователями в терминах данных двух категорий. Результаты кросскультурных сравнений показывают, что представители коллективистских культур в большей

степени опираются на фактор уникальности в своем представлении о человеке, а представители индивидуалистических культур в большей степени ориентируются на фактор природы.

Постановка вопроса о сущности феномена человека продиктована временем и представляется чрезвычайно актуальной. Психологические теории XX в. обращены к анализу существования (*'etant*) человека в мире, анализу проявляемых им свойств. Вопрос о его сущности (*'entre*) не ставился в них, в рамках относительно изолированного развития школ полагался имплицитно ясным в каждом отдельном дискурсе. Происходящая сегодня интеграция мирового психологического знания в структуре глобальной психологической науки высвечивает то, что сущее, существование которого описывают концепции школ, совсем не обязательно одно и то же в разных теориях. Вопросы о том, что есть это сущее и что есть человек, не являются новыми. Но сейчас они имеют не отвлеченно философское значение, а носятся в воздухе современного мира (см., например, [16]). Сложно представить, что при обсуждении феномена человека можно вынести за скобки аспект духовности (подробнее см. [4]), религии, веры. Представляется, что религия приобрела новую жизненную актуальность в современном мире в контексте социальных и даже цивилизационных конфликтов.

Универсалистское направление, несомненно, вносит огромный вклад в изучение места и роли культуры в психологии человека, однако истина рождается лишь там, где спорят. Когда спор отсутствует, наука превращается в идеологию. Представляется важным, чтобы в становлении современной глобальной науки продолжался диалог универсалистов с «инакомыслящими», т.е., используя термин Дж. Берри, с релятивистскими направлениями, к которым он относит индигенные подходы и подходы культурной и критической психологии.

РЕЛЯТИВИСТСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Эти направления широко представлены в современной интернациональной психологии как монографиями, так и журнальными статьями [25; 31; 39], но недостаточно освещены в русскоязычном дискурсе. Индигенные подходы в психологии — «туземные» психологии, теории, укорененные в специфической, часто экзотической культуре, включая присущие ей религиозные верования. Основы индигенного движения были заложены еще в начале глобализационных процессов [20], когда экономическое и социальное развитие стран,

не относящихся к Западной Европе и Северной Америке, породило толчок к росту национального самосознания и дало импульс к движению деколонизации социально-гуманитарных наук [6]. Универсальный характер психологии традиции *WASP* был поставлен под сомнение и впоследствии отвергнут. В качестве альтернативы стали развиваться теории, в которых психологические особенности местных жителей описывались в контексте реалий их жизни, анализировались и интерпретировались в свободной форме, часто с опорой на традиционные верования, мифы и религию. Особенно интенсивно индигенные теории развиваются с начала XXI в. В контексте этого направления действует условное деление по географическому признаку: говорят об африканских, индийских, филиппинских индигенных теориях и др. В русле индигенных теорий доминируют описательный подход и качественные методы анализа данных, подчеркиваются их противопоставленность традиции *WASP*, неприятие идеи западного стандарта человека.

В отношении к проблеме биологического и социально-культурного в человеке индигенные теории близки культурной психологии (*cultural psychology*) и критической психологии (*critical psychology*), которая отчасти сливается с культурной. Показательно, что все эти три направления сложились примерно в одно и то же время, на волне тенденции борьбы с мейнстримом в конце XX в. [6]. Однако корни культурной и критической психологии иные, чем у индигенных теорий: эти направления развивают положения, заложенные в академической науке предшествующего периода.

Основным принципом культурной психологии является то, что личность, сознание и культура неразделимы и взаимно конституируемы, т.е. люди формируют свою культуру, а культура формирует их [22; 30]. Один из основателей этого направления Ричард Шведер пишет, что культурная психология — это исследование того, как культурные традиции и социальные практики трансформируют психику человека, в результате чего имеют место не столько единство психической организации людей, сколько этнические различия в отношении сознания, Я-концепции и эмоций [38].

В литературе отмечается разнообразие направлений культурной психологии и отсутствие общей и последовательной методологии [13]. В целом культурная психология в подавляющем большинстве своих направлений опирается на культурно-историческую теорию Выготского [22; 39], а методология ее носит холистический и идиографический характер.

Близка к культурной психологии и отчасти сливается с ней так называемая критическая психология (*critical psychology*). Основателем критической психологии считают Клауса Хольцкампа, книга которого “Основания психологии” [28] остается одной из важнейших теоретических работ в этой области. Хольцкамп основывался на культурно-исторической психологии и теории деятельности, прежде всего на подходе А.Н. Леонтьева. Другим важным его источником была теория личности марксистского философа Люсьена Сева, которая содержала концепцию матриц социальной активности как опосредующей структуры между индивидуальным и общественным воспроизводством [28].

Следуя делению на две традиции в отношении взаимодействия культуры (социального — в терминологии советской психологии) и биологии, можно утверждать, что релятивистские направления продолжают традицию несводимости культуры к второстепенной надстройке над биологией. Однако авторы ограничиваются указанием на детерминирующую роль культуры в формировании человеческой психики, но не обращаются прямо к логически следующему из этого положения вопросу о *взаимодействии* биологического и культурного факторов.

БИОСОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА И СОПУТСТВУЮЩИЕ РИСКИ

Утратила ли биосоциальная проблема свою актуальность в изучении жизни современного общества? Представляется, что, напротив, актуальна как никогда раньше. И вопрос не только в необходимости деконструкции нашей науки, что является основным лозунгом релятивистов. Мы живем в эпоху не только радикальных социальных изменений, требующих осознания культурной относительности “эталонов” человека, но и радикальных прорывов в области биологии и медицины. “Замазывая” границу между биологическим и социальным, мы закрываем глаза на то, что человек сегодня уже отменил для себя закон естественного отбора, в результате чего биологическое выживание человека как вида сегодня зависит от его сознательной деятельности.

В российской традиции постановки биосоциальной проблемы у человека *социальная детерминация психики* выступает как сила, противостоящая инстинктам: “У человека способности разумные подавляют инстинкты тем легче <...> чем выше культура того общественного круга, к которому данный субъект принадлежит”, — писал основоположник российской сравнительной психологии В. Вагнер [3, с. 185]. Идея противопоставления законов

природы и социума ярко выражена в его работах, в частности, в факторах и законах эволюции материнства. Вагнер включается в современную ему дискуссию о причинах существования в истории развития периода так называемых диких народов, когда “детоубийство и вытравливание плода, в колоссальных размерах, представляют собой явление общераспространенное” [3, с. 79]. С позиций эволюционной теории Дарвина Вагнер ищет ответ на вопрос о том, почему данное явление возникает именно на этой стадии развития живого мира. Вовсе не свойственное животным, оно возникает на определенной стадии “дикости” культуры (не самой низкой) и вслед за прохождением какого-то исторического периода развития общества полностью исчезает.

Подвергая критике широкий круг теорий, Вагнер предлагает следующее объяснение. Смысл данного этапа в эволюции человечества заключается в освобождении от власти биологического закона борьбы за существование вида, что становится возможным на определенном уровне развития разума, когда “у человека-дикаря дети убиваются вследствие того, что его психическая жизнь поднялась до степени понимания своих грубых индивидуальных прав на жизнь, какой она ему нравится” [3, с. 87]. Если бы подобное отношение к потомству закрепилось в инстинкте какого-либо вида животных, этот вид был бы обречен на быстрое вымирание. У человека же “мать сначала сделалась детоубийцей, а потом, когда на место биологического закона борьбы за существование, регулирующего у животных отношение матери к потомству, стало общество и взяло эту задачу в свои руки, материнская любовь получила новые силы и новое, только человеку присущее, содержание” [3, с. 87].

На данном примере В. Вагнер демонстрирует понимание человека как существа, находящегося в едином ряду с другими проявлениями (формами) жизни, но это единство диалектическое, включающее в себя противопоставление, противоречие как источник внутреннего развития: “на земле человек только один, пользуясь силою своих разумных способностей, преступил <...> железный закон отбора, и преступил его дважды: сначала, когда использовал борьбу индивидуальности самки-матери с потомством в пользу первой из этих сторон, а потом, когда признал за побежденной стороной — ребенком право на жизнь и взял эту жизнь под охрану общества, когда, другими словами, он противопоставил силе биологических законов — силу законов социальных” [3, с. 77].

Известный британский социолог Н. Роуз пишет, что гуманитарным наукам сегодня необходимо пересмотреть их отношение к биологии, поскольку успешное развитие последней в XXI в. открыло возможность видеть в биологическом не фактор ограничения и фатальной предопределенности, но и ресурс возможностей и потенциал развития [36]. Идеи трансгуманизма — уже не фантастика [15; 18]. Необходимо перейти от метафизических представлений и имплицитной веры в незыблемость и “универсальность” человеческой природы к представлению о человеке как о непрерывно изменяющемся существе. Социальное в человеке — это прежде всего его способность к изменениям, скорость и масштаб которых принципиально отличаются человека от других живых существ. Человек — единственное животное со способностью к социокультурным адаптациям, которые несопоставимо превосходят по скорости прочие виды адаптаций и включают в себя возможность целенаправленного изменения среды обитания и самого субъекта, что несет с собой как новые возможности, так и летальные риски.

В ситуации свободы от страхующей власти инстинктов сохранение человека как биологического вида требует формирования нового уровня его самосознания, концепции человека, предполагающей ответственное отношение к своему биологическому естеству, природосохраняющего акцента в отношении к человеку в глобальной культуре. Необходимо так выстроить глобальную психологию, чтобы она выполняла и природоохранную функцию в отношении *Homo Sapiens*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Биосоциальная проблема сохраняет высокую актуальность для психологической науки в эпоху глобализации. Если на протяжении первого века существования академической психологии концепции непосредственно соотносились с социальной мобильностью в отдельно взятом обществе, то в эпоху глобализации полем соотношения концепций с жизнью становится *взаимодействие культур* в глобальном мире. В отношении этой проблемы сохраняется противостояние двух подходов [14]:

— размывающего границы биологии и культуры, где культура полагается некой надстройкой, лишь придающей специфику проявлениям биологического основания;

— рассматривающего культуру как отмену биологической детерминации поведения.

Первый подход сложился в западной психологической традиции в эпоху социальных революций и отвечал социальному заказу оправдания малой социальной мобильности на фоне декларирования общества равных возможностей. Лидером второго подхода была марксистская, прежде всего советская, психология [14], провозгласившая лозунг формирования нового человека. В эпоху глобализации первая традиция продолжается поиском “универсальной” психологии, что основано на вере в определяющее значение природного, биологического, видового фактора в человеческой психике. Это направление сохраняет доминирующее положение в мировой науке, и его ценность и значение не вызывают сомнений. Однако абсолютизация данного подхода чревата риском утраты стимула к развитию в науках о человеке. Всю историю человеческой культуры пронизывает вера в то, что человек — не только животное. Утрата этой веры чревата опасностью вырождения науки в опасную идеологию.

Вторая традиция в постановке биосоциальной проблемы была существенно ослаблена в постсоветский период, так как в российской психологии, где ранее сложились основы этого подхода, сократились соответствующие теоретико-методологические разработки [32; 33]. Сегодня релятивистское направление представлено в мировой науке школами, опирающимися на российские разработки советского периода. Вызывает сожаление тот факт, что российская психология недостаточно включается в современный дискурс о биологическом и социальном в человеке. Релятивистские направления, близкие к российской традиции, у нас известны мало. Соответственно, и ссылки на труды российских ученых в растущем релятивистском дискурсе заканчиваются советским периодом. Основной лейтмотив релятивистов — критика мейнстрима, дискуссия с мейнстримом в отношении основ теории и методологии, призыв к деколонизации психологии — не звучит в дискуссиях современной российской науки. Вопрос о возможности универсальной психологии, обсуждаемый российскими коллегами, недостаточно соотносится здесь как с проблемой биологического и социального, так и с логикой культурно-исторической теории и субъектного подхода [5; 10]. Представляется, что разработка этого направления может быть перспективной для российской психологии в поиске своего места в глобальной науке [9; 17].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.
2. *Берри Дж., Пуртинга А., Сигалл М., Дасен П.* Кросс-культурная психология. Исследования и применение. М.: Гуманитарный центр, 2007.
3. *Вагнер В.А.* Сравнительная психология. М.—Воронеж, 1998.
4. *Воловикова М.И., Журавлев А.Л.* Вместо введения: Вклад Института психологии РАН в исследование духовно-нравственных проблем личности и общества // Духовно-нравственные проблемы современной личности / Отв. ред. М.И. Воловикова, А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018. С. 15–31.
5. *Жалагина Т.А., Короткина Е.Д.* Глобальная психология: от истории к перспективам развития // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 3. С. 119–123.
6. *Журавлев А.Л., Мироненко И.А., Юревич А.В.* Психологическая наука в глобальном мире: вызовы и перспективы // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 2. С. 58–71.
7. *Журавлев А.Л., Нестик Т.А.* Психологические особенности коллективного творчества в сетевых сообществах // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 2. С. 19–28.
8. *Кассирер Э.* Опыт о человеке: Введение в философию человеческой культуры // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 3–30.
9. *Ковалева Ю.В., Журавлев А.Л.* Глобальная психология: основные подходы к пониманию // Ярославский педагогический вестник. 2018. № 5. С. 201–209.
10. *Корнилова Т.В.* Интернациональность психологии versus “национальные психологии” // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 3. С. 91–99.
11. *Корнилова Т.В.* Сетевая организация как путь интеграции психологии // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 5. С. 99–105.
12. *Мазилев В.А.* Психология в эпоху глобализации: поиски собственного пути // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 6. С. 114–118.
13. *Мацумото Д.* (ред.) Психология и культура. СПб.: Питер, 2003.
14. *Мироненко И.А.* Биосоциальная проблема в современной психологии и перспективы развития отечественной теории // Психологический журнал. 2005. Т. 26. № 1. С. 88–94.
15. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Психологические факторы негативного отношения к новым технологиям // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 6. С. 5–14.
16. Новое в науках о человеке: к 85-летию со дня рождения академика И.Т. Фролова / Отв. ред. Г.Л. Белкина; ред.-сост. М.И. Фролова. М.: ЛЕНАНД, 2015.
17. Психологические исследования глобальных процессов: предпосылки, тенденции, перспективы / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2018.
18. *Сергеев С.Ф.* Психологическая наука в рамках техноэволюции // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 5. С. 106–108.
19. *Adair J.G., Huynh C.-L.* Internationalization of psychological research: publications and collaborations of the United States and other leading countries // International perspectives in psychology: Research, practice, consultation. 2012. V. 1. № 4. P. 252–267.
20. *Allwood C.M., Berry J.W.* Origins and development of indigenous psychologies: An international analysis // International journal of psychology. 2006. V. 41. № 4. P. 243–268.
21. *Bain P., Vaes J., Kashima Y., Haslam N., Guan Y.* Folk conceptions of humanness: beliefs about distinctive and core human characteristics in Australia, Italy, and China // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2012. V. 43. № 1. P. 53–58.
22. *Cole M.* Cultural psychology: A once and future discipline. Cambridge: Harvard University Press, 1998.
23. *Figueredo A.J., Vasquez G., Brumbach B.H., Schneider S.M.R.* The heritability of life history strategy: The K-factor, covitality, and personality // Social Biology. 2004. V. 51. P. 121–143.
24. *Haslam N.* Dehumanization: An integrative review // Personality & social psychology review. 2006. V. 10. P. 252–264.
25. *Heine S.J.* Cultural psychology. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2011.
26. *Heine S.J., Buchtel E.E.* Personality: The universal and the culturally specific // Annual Review of Psychology. 2009. V. 60. P. 369–394.
27. *Henrich J.* Most people are not WEIRD // Nature. 2010. V. 466. № 5. P. 29.
28. *Holzkamp K.* Grundlegung der Psychologie. Frankfurt/M.: Campus, 1983.
29. *Jones D.* A WEIRD View of Human Nature // Science. 2010. V. 328. № 25. P. 1627.
30. *Kim U., Yang K.S., Hwang K.K.* Contributions to indigenous and cultural psychology // Indigenous and cultural psychology: Understanding people in context / Eds. U. Kim, K.S. Yang, K.K. Hwang. N.Y.: Springer, 2006. P. 3–25.
31. *Kitayama Sh., Cohen D.* Handbook of cultural psychology. Guilford, 2010.
32. *Mironenko I.A.* Integrative and isolationist tendencies in contemporary Russian psychological science // Psychology in Russia: State of the Art. 2014. V. 7. Is. 2. P. 4–13.
33. *Mironenko I.A., Sorokin P.S.* Culture in Psychology: perennial problems and contemporary methodological

- crisis // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2015. № 4. P. 35–45.
34. *Park J., Haslam N., Kashima Y.* Relational to the core: lay theories of humanness in Australia, Japan, and Korea // *Journal of cross-cultural psychology*. 2012. V. 43. № 5. P. 774–783.
35. *Pickren W.E.* Liberating history: The context of the challenge of psychologists of color to American psychology // *Cultural diversity and ethnic minority psychology*. 2009. V. 15. № 4. P. 425–433.
36. *Rose N.* Psychology as a social science // *Subjectivity*. 2008. V. 23. P. 1–17.
37. *Rushton J.P., Irwing P.* The general factor of personality: normal and abnormal // *The Wiley-Blackwell handbook of individual differences* / Eds. T. Chamorro-Premuzic, S. von Strumm, A. Furnham. L.: Blackwell, 2011. P. 132–161.
38. *Shweder R.* *Thinking Through Cultures*. Harvard University Press, 1991.
39. *Valsiner J.* *Cultural Psychology Today: Innovations and Oversights* // *Culture and Psychology*. V. 15. № 1. P. 5–40.

THE BIOSOCIAL PROBLEM IN THE CONTEXT OF GLOBAL PSYCHOLOGICAL SCIENCE: CONCERNING THE “UNIVERSAL” HUMAN PSYCHOLOGY⁴

I. A. Mironenko^{1,*}, A. L. Zhuravlev^{2,**}

¹*Saint-Petersburg State University; 199034, Saint-Petersburg, Makarova emb., 6, Russia.*

²*Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences; 129366, Moscow, Yaroslavskaya str., 13, Russia.*

^{*}*ScD (psychology), professor. E-mail: mironenko.irina1@gmail.com*

^{**}*Member of RAS, scientific leader of the Federal State-Financed Institution,*

Institute of Psychology RAS, ScD (psychology), professor.

E-mail: alzhuravlev2018@yandex.ru

Received 12.06.2019

Abstract. From the onset of psychological science two approaches to the biosocial problem confront: a) Blurring the boundaries between biology and culture, so that culture is considered only to determine specific ways in which biological basis reveals itself; b) Considering culture as a factor canceling biological determination of behavior. The first trend took shape in the Western psychological tradition in the era of social revolutions and confrontation between capitalist and socialist systems, and aimed to justify low social mobility against the background of the declaration of an “equal opportunity society”. The second trend was Marxist psychology, primarily, Russian psychology, which proclaimed the idea of creating a “new” human personality. In the era of globalization, the first trend continues with the search for a “universal” psychology, basing on the belief that the basics of human psyche is the same for all homo sapiens, i.e., biologically determined. This trend maintains a dominant position in the mainstream psychology and its value is not in doubt. However, absolutization of this approach is fraught with the risk of losing the path to the comprehension of human nature. The belief that human is something more than an animal permeates the history of human culture. The loss of this belief is fraught with the danger of degeneration of science into an ugly and dangerous ideology. The second trend in treating the biosocial problem has weakened in the post-Soviet period, because in Russian psychology theoretical developments in this area ceased. In the contemporary international psychology this trend is represented by schools, which are grounding on Russian developments of the Soviet period. Regrettably, contemporary Russian psychology is insufficiently incorporated into the international discourse on the biosocial problem. The issue of the “universal” psychology, discussed by Russian colleagues, is not sufficiently related with the logic of cultural-historical theory and Subject approach.

Keywords: biosocial problem, globalization, cultural differences, universal psychology, cultural-historical theory, cross-cultural psychology, cultural psychology, critical psychology, indigenous theories.

⁴ The study was financially supported by Russian Foundation of Basic Research, grant No. 17-06-50086-OGN “Academic integration in the context of the development of global psychology: challenges and prospects”.

REFERENCES

1. *Ananyev B.G.* O problemakh sovremennogo chelovekoznaniiya. Moscow: Nauka, 1977. (in Russian)
2. *Berri Dzh., Purtinga A., Sigall M., Dasen P.* Kross-kulturnaya psikhologiya. Issledovaniya i primeneniye. Moscow: Gumanitarny tsentr, 2007. (in Russian)
3. *Vagner V.A.* Sravnitel'naya psikhologiya. Moscow–Voronezh, 1998. (in Russian)
4. *Volovikova M.I., Zhuravlev A.L.* Vmesto vvedeniya: Vklad Instituta psixologii RAN v issledovanie duxovno-nravstvennykh problem lichnosti i obshchestva // Duhovno-nravstvennyye problemy sovremennoj lichnosti / Eds. M.I. Volovikova, A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: “Institut psikhologii RAN”, 2018. P. 15–31. (in Russian)
5. *Zhalagina T.A., Korotkina Ye.D.* Global'naya psikhologiya: ot istorii k perspektivam razvitiya // Psikhologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 3. P. 119–123. (in Russian)
6. *Zhuravlev A.L., Mironenko I.A., Yurevich A.V.* Psikhologicheskaya nauka v global'nom mire: vyzovy i perspektivy // Psikhologicheskii zhurnal. 2018. V. 39. № 2. P. 58–71. (in Russian)
7. *Zhuravlev A.L., Nestik T.A.* Psikhologicheskiye osobennosti kollektivnogo tvorchestva v setevykh soobshchestvakh // Psikhologicheskii zhurnal. 2016. V. 37. № 2. P. 19–28. (in Russian)
8. *Kassirer E.* Opyt o cheloveke: Vvedeniye v filosofiyu chelovecheskoy kul'tury // Problema cheloveka v zapadnoy filosofii. Moscow: Progress, 1988. P. 3–30. (in Russian)
9. *Kovaleva Yu.V., Zhuravlev A.L.* Global'naya psixologiya: osnovnye podkhody k ponimaniyu // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. 2018. № 5. P. 201–209. (in Russian)
10. *Kornilova T.V.* Internatsionalnost' psikhologii versus “natsional'nye psikhologii” // Psikhologicheskii zhurnal. 2015. V. 36. № 3. P. 91–99. (in Russian)
11. *Kornilova T.V.* Setevaya organizatsiya kak put' integratsii psikhologii // Psikhologicheskii zhurnal. 2018. V. 39. № 5. P. 99–105. (in Russian)
12. *Mazilov V.A.* Psikhologiya v epokhu globalizatsii: poiski sobstvennogo puti // Psikhologicheskii zhurnal. 2018. V. 39. № 6. P. 114–118. (in Russian)
13. *Matsumoto D.* Psikhologiya i kul'tura. Saint Petersburg: Piter, 2003. (in Russian)
14. *Mironenko I.A.* Biosotsial'naya problema v sovremennoy psikhologii i perspektivy razvitiya otechestvenno teorii // Psikhologicheskii zhurnal. 2005. V. 24. № 1. P. 88–94. (in Russian)
15. *Nestik T.A., Zhuravlev A.L.* Psikhologicheskiye faktory negativnogo otnosheniya k novym tekhnologiyam // Psikhologicheskii zhurnal. 2016. V. 37. № 6. P. 5–14. (in Russian)
16. Novoe v nauках o cheloveke: k 85-letiyu so dnya rozhdeniya akademika I.T. Frolova / Ed. G.L. Belkina; red.-sost. M.I. Frolova. Moscow: LENAND, 2015. (in Russian)
17. Psikhologicheskiye issledovaniya global'nykh protsessov: predposylki, tendentsii, perspektivy / Eds. A.L. Zhuravlev, D.A. Kitova. Moscow: “Institut psikhologii RAN”, 2018. (in Russian)
18. *Sergeev S.F.* Psikhologicheskaya nauka v ramkakh tekhnoevolutsii // Psikhologicheskii zhurnal. 2018. V. 39. № 5. P. 106–108. (in Russian)
19. *Adair J.G., Huynh C.-L.* Internationalization of psychological research: publications and collaborations of the United States and other leading countries // International perspectives in psychology: Research, practice, consultation. 2012. V. 1. № 4. P. 252–267.
20. *Allwood C.M., Berry J.W.* Origins and development of indigenous psychologies: An international analysis // International journal of psychology. 2006. V. 41. № 4. P. 243–268.
21. *Bain P., Vaes J., Kashima Y., Haslam N., Guan Y.* Folk conceptions of humanness: beliefs about distinctive and core human characteristics in Australia, Italy, and China // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2012. V. 43. № 1. P. 53–58.
22. *Cole M.* Cultural psychology: A once and future discipline. Cambridge: Harvard University Press, 1998.
23. *Figueredo A.J., Vasquez G., Brumbach B.H., Schneider S.M.R.* The heritability of life history strategy: The K-factor, covitality, and personality // Social Biology. 2004. V. 51. P. 121–143.
24. *Haslam N.* Dehumanization: An integrative review // Personality & social psychology review. 2006. V. 10. P. 252–264.
25. *Heine S.J.* Cultural psychology. New York: W.W. Norton & Company, 2011.
26. *Heine S.J., Buchtel E.E.* Personality: The universal and the culturally specific // Annual Review of Psychology. 2009. V. 60. P. 369–394.
27. *Henrich J.* Most people are not WEIRD // Nature. 2010. V. 466. № 5. P. 29.
28. *Holzkamp K.* Grundlegung der Psychologie. Frankfurt/M.: Campus, 1983.
29. *Jones D.* A WEIRD View of Human Nature // Science. 2010. V. 328. № 25. P. 1627.
30. *Kim U., Yang K.S., Hwang K.K.* Contributions to indigenous and cultural psychology // Indigenous and cultural psychology: Understanding people in context / Eds. U. Kim, K.S. Yang, K.K. Hwang. New York: Springer, 2006. P. 3–25.
31. *Kitayama Sh., Cohen D.* Handbook of cultural psychology. Guilford, 2010.
32. *Mironenko I.A.* Integrative and isolationist tendencies in contemporary Russian psychological science // Psychology in Russia: State of the Art. 2014. V. 7. Is. 2. P. 4–13.

33. *Mironenko I.A., Sorokin P.S.* Culture in Psychology: perennial problems and contemporary methodological crisis // *Psychology in Russia: State of the Art*. 2015. № 4. P. 35–45.
34. *Park J., Haslam N., Kashima Y.* Relational to the core: lay theories of humanness in Australia, Japan, and Korea // *Journal of cross-cultural psychology*. 2012. V. 43. № 5. P. 774–783.
35. *Pickren W.E.* Liberating history: The context of the challenge of psychologists of color to American psychology // *Cultural diversity and ethnic minority psychology*. 2009. V. 15. № 4. P. 425–433.
36. *Rose N.* Psychology as a social science // *Subjectivity*. 2008. V. 23. P. 1–17.
37. *Rushton J.P., Irwing P.* The general factor of personality: normal and abnormal // *The Wiley-Blackwell handbook of individual differences* / Eds. T. Chamorro-Premuzic, S. von Strumm, A. Furnham. London: Blackwell, 2011. P. 132–161.
38. *Shweder R.* *Thinking Through Cultures*. Harvard University Press, 1991.
39. *Valsiner J.* Cultural Psychology Today: Innovations and Oversights // *Culture and Psychology*. V. 15. № 1. P. 5–40.